

С Л О В О

«Долго я не мог взяться за перо. Боялся бесцветности слов. Так, наверное, человек боится впервые запеть при переполненном зале».

Это — слова Кайсына Кулиева. Я сердцем пережил эти его слова прежде чем взяться за перо, чтобы рассказать о нем. Был... Это значит, что нет его среди нас, среди живых. И не скажет он при встрече: «О, мой друг! Ты, как всегда, прекрасен выглядишь!». Или: «Смотрел твой фильм о Чегеме. Это превосходно!».

Тогда, на прощальном митинге, я стоял в стороне и почти ничего не слышал. Шел дождь. Было много людей. Очень много. Но я ничего не слышал. И не потому, что кто-то забыл (наверное, забыл) поставить микрофоны и подключить динамики. Я просто ничего не хотел слышать.

Я стоял без головного убора, и весенние дождинки сбегали по моему лицу, смешиваясь со слезами. Я стоял и «монтировал» кадры из жизни Кайсына. Ведь она, наша жизнь, так же стремительна, как кинолента, заряженная в стрекочащий кинопроектор.

Вот он ладонью чегемскую воду зачерпнул и оmyвает лицо маленького внука... Вот водит меня по чегемской сакле в родном ауле, заброшенном высоко-высоко, к самому синему небу.

Я стоял тогда рядом с ним в сказке, выдуманной поэтом и природой: взметнувшись к облакам скалы, близна снега на вершинах, орлы совсем низко над нами. Ветер шелестел засохшими травами на крыше сакли, где родился поэт.

— Когда мне трудно, я приезжаю сюда, чтобы обрести силы, а когда радостно, то для того, чтобы поделиться этой радостью с родными камнями.

Певец камня. Я не знаю другого поэта, который сумел бы так возвеличить, оживить камень, сделать его другом.

— Я многим обязан камню, — говорил Кайсын. — В горах он особый. Как ни странно, камень учил меня мыслить, учил сдержанности, оберегал от многословия в стихах. Теплый камень очага греет босые ноги ребенка, стены своего жилища горцы делают из камня, делают так же жернова мельниц. Косы, кинжалы, ножи точат на камне. И стреляли по оврагам мои земляки, лежа за камнем, и отдыхали, сидя на камне, и раненые опирались на камень...

О, Кайсын! Я думал, что ты тоже каменный, а значит, вечный. Я верил, что с тобой никогда ничего не может случиться. Что ты будешь всегда.

Память... Она и как теплая шаль, согревающая ду-

шу, и безжалостная холодная рука, сжимающая горло так, что перехватывает дыхание. Моя память, как паутина в осеннем лесу. Вот выглянуло солнце на рассвете и осветило ее насквозь. А на ней, на этой паутине, капельки росы. Крупные, словно жемчужины. Сколько раз во встречах с Кайсыном находил я драгоценные, как жемчуг, истины великого закона человеческого общения. И, если ныряльщики не всегда возвращаются из морских глубин с драгоценной ношей, то я всегда уходил от Кайсына, нагруженный сокровищами его доброты и мудрости.

...В гостинице «Москва» мы встретились в дни его юбилея.

— Короткое интервью для телевидения...

— Какой разговор! Пожалуйста... Но сперва скажи, как ты устроился? Есть гостиница? Надо что-нибудь?..

Еще один юбилей. На этот раз — Кабардино-Балкарии. Я снимал фильм об этом событии. И вот в дни декады литературы и искусства КБАССР в Москве у Кайсына Шуваевича пропал голос. Он не говорил совсем. Он охрип. Все рушилось. Я был в отчаянии.

— Стоит ли так нервничать, мой друг, из-за этого, — сказал Кайсын. — Ну, если тебя устроит, то я прохриплю в микрофон.

И «прохрипел». Таким,

несколько не привычным, он и остался в фильме.

Я не знаю, умел ли он быть злым и жестоким. Я всегда его знал добрым и мудрым. Мы встречались в разных местах, я приезжал к нему в Чегем. Говорили о разном.

— Огонь нужен людям не только для того, чтобы жарить шашлык! — сказал он как-то. — Огонь нужен человеческим душам.

Как-то я спросил о том, почему один из своих сборников стихов он назвал «Раненый камень».

Кайсын провел ладонью по гладко выбритой голове. Пауза длилась секунды.

— Камень... Это — символ, эмблема, герб моего творчества. Когда тебе тяжело, прижмись щекой к скале родного ущелья — снова будешь сильным...

Он взял сборник стихов и написал на обложке размашистым трудночитаемым почерком: «Великий русский поэт Тютчев сказал: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Я назвал свою книгу «Раненый камень», желая подчеркнуть этим твердость духа советских людей, победивших фа-

шизм. Мы погибали, но не сдавались».

Я снимал фильм о любви к земле. Съёмки велись на Терек. Мы выбрали маленький островок посреди реки — клочок суши с десятком деревьев.

Шла большая вода. Островок заливало, и мы торопились. Кайсын радовался величию Терека, красоте близкого леса, белокрылым птицам в небе.

— Смотри, какая красота! — говорил он мне. — Сколько мощи! Лермонтовский Терек!

По замыслу сценариста поэт должен был варить уху на островке и угощать ею друзей. Кайсыну это очень понравилось. Он быстро вошел в роль, пробовал уху, добавлял соль, перец... Собственно, он уже не играл, он забыл обо всем на свете...

— Какая уха! Замечательно! Ты попробуй...

Все шло здорово, но съемки пришлось прервать. Большая ветка бросала тень на лицо Кайсына. Подсветы не помогали, и мы решили срубить дерево. Все равно через час-другой его смысл бы Терек.

— Что вы, ребята, жалко,

— взмолился Кайсын. — Не надо рубить... Такое чудесное дерево...

Пришлось оставить дерево. Срубили лишь несколько ветвей.

Когда, отсняв эпизод, мы начали переправляться на берег к машинам, островок уже почти затопило. Вода унесла и то дерево.

— Смотрите, Кайсын Шуваевич, а «ваше» дерево-то унесло, — заметил один из ассистентов.

— Понимаешь, дорогой, Терек имеет на это право, а мы, люди, должны смотреть без злобы на мир, должны быть добрыми.

Вода прибывала. И мы спешили переправиться на берег. Вдвоем с Кайсыном мы плыли в надувной лодке. Поэт сидел, крепко впившись руками в борта лодки. Я грел (первый раз в жизни). Когда добрались до берега, Кайсын сказал:

— А я-то плавать не умею. Подбежали участники ки-ногруппы.

— Страшно было? — спросил кто-то Кайсына Шуваевича.

— От судьбы не уйдешь, — ответил он тогда.

Сидя у изголовья, прино-

ванного к постели недугом Кайсына, я услышал от него э...

— От судьбы не уйдешь. Я хорошо познакомился с тобой, друг, — сказал он из наших последних слов. — Что-то успел сделать повидать... Только вот так. Боль в голове светлая. Рабочее, да не могу.

Хорошо пожил... Слава, награды, Да! Признание и любовь миллионов читателей? была ли легкой жизнью? Бежала ли она во всем пространстве, как ручьи в его родных горах. Те, немногие, кто...

дом с поэтом «в его роковые», кто держал руку на его горячем всем стремительном пульсе человека «с в крови», те, наверно, скажут нам когда-то поэт любил снег на и воду в родниках, ставлял страдать же будущим человеком сам жестоко страдал...

го; как страшился лет, уже упавших ему на плечи, и как мужеством стойкостью своего героя — Прометея.

С Л О В О О К А Й С Ы Н Е

ным, он
ли он
им. Я
обрым и
нались в
лезжал к
рилли о

людям не
бы жа-
дал он
кен че-

о том,
сборни-
«Ране-
онью по
ве, Пау-
символ,
творче-
ло, при-
е родно-
будешь

стихов и
разма-
мым по-
русский
«Бла-
мир в
Я на
Раненый
перкнуть
совет-
их фа-

низм. Мы погибали, но не
сдавались».

Я снимал фильм о любви
к земле. Съёмки велись на
Тереке. Мы выбрали малень-
кий островок посреди реки
— клочок суши с десятком
деревьев.

Шла большая вода. Остро-
вок заливало, и мы торопи-
лись. Кайсын радовался ве-
личию Терека, красоте близ-
кого леса, белокрылым пти-
цам в небе.

— Смотри, какая красота!
— говорил он мне. — Сколь-
ко мощи! Лермонтовский Те-
рек!

По замыслу сценариста
поэт должен был варить уху
на островке и угощать ею
друзей. Кайсыну это очень
понравилось. Он быстро во-
шел в роль, пробовал уху,
добавлял соль, перец... Соб-
ственно, он уже не играл, он
забыл обо всем на свете...

— Какая уха! Замечатель-
но! Ты попробуй...

Все шло здорово, но съём-
ки пришлось прервать. Боль-
шая ветка бросала тень на
лицо Кайсына. Подсветы не
помогали, и мы решили сру-
бить дерево. Все равно через
час-другой его смысл бы Те-
рек.

— Что вы, ребята, жалко,

— взмолился Кайсын. — Не
надо рубить... Такое чудес-
ное дерево...

Пришлось оставить дере-
во. Срубили лишь несколько
ветвей.

Когда, отсняв эпизод, мы
начали переправляться на
берег к машинам, островок
уже почти затопило. Вода
унесла и то дерево.

— Смотрите, Кайсын Шу-
ваевич, а «ваше» дерево-то
унесло, — заметил один из
ассистентов.

— Понимаешь, дорогой,
Терек имеет на это пра-
во, а мы, люди, должны
смотреть без злобы на мир,
должны быть добрыми.

Вода прибывала. И мы спе-
шили переправиться на бе-
рег. Вдвоем с Кайсыном мы
плыли в надувной лодке.
Поэт сидел, крепко вцепившись
руками в борта лодки. Я
греб (первый раз в жизни).
Когда добрались до берега,
Кайсын сказал:

— А я-то плавать не умею.
Подбежали участники ки-
ногруппы.

— Страшно было? — спро-
сил кто-то Кайсына Шuvaе-
вича.

— От судьбы не уйдешь,
— ответил он тогда.

Сидя у изголовья, прико-

ванного к постели тяжелым
недугом Кайсына, я еще раз
улыбался от него эти слова:

— От судьбы не уйдешь.

— Я хорошо пожил, мой
друг, — сказал он в одну
из наших последних встреч.

— Что-то успел сделать, что-
то повидать... Только жаль,
что вот так. Боль адская. а
голова светлая. Работать хо-
чется, да не могу.

Хорошо пожил...

Слава, награды, почести?
Да! Признание и любовь мил-
лионов читателей? Тоже. Но
была ли легкой жизнь его?
Бежала ли она во времени и
пространстве, как звенящие
ручьи в его родных горах?

Те, немногие, кто был ря-
дом с поэтом «в его минуты
роковые», кто держал свою
руку на его горячем, чаще
всего стремительном пульсе,
пульсе человека «с солнцем
в крови», те, наверное, рас-
скажут нам когда-то, как
поэт любил снег на вершинах
и воду в родниках, как за-
ставлял страдать женщин, и
будучи человеком добрым,
сам жестоко страдал от это-
го; как страшился тяжести
лет, уже упавших ему на пле-
чи, и как мужественно, со
стойкостью своего любимо-
го героя — Прометея, боролся

с болезнью, которую так и
не смог победить.

«Раненый камень». Так
охарактеризует его в по-
смертной статье Мустай Ка-
рим.

Да, он был раненым кам-
нем. Но каким! Какой вели-
чины был этот гигантский
камень Кавказа!

Я не хочу в этой статье
писать о поэзии Кайсына
Кулиева, анализировать его
стихи и поэмы. Пусть это
еще и еще раз сделают лите-
ратуроведы. Я просто вспо-
минаю о человеке, которого
очень любил, люблю и буду
любить.

Кайсын... Вот маленький
балкарский мальчик впер-
вые держит в руках книжку
с красивыми картинками —
букварь, подаренный ему
русским учителем. Вот он,
маленький ашуг, поет бал-
карские песни своим сверст-
никам в Верхнем Чегеме.
Словно кипчак, несется он
на необъезженном скакуне.

— Не было случая, чтобы
я упал с лошади. Меня про-
звали «Шкура коня», —
говорил он впоследствии о
себе.

А потом он хотел стать
артистом и даже учился «на

артиста» в Москве в теат-
ральном институте имени Лу-
начарского. Хотел стать ар-
тистом, учился, но не стал.
Потому что судьбой ему
было уготовлено стать вели-
ким поэтом.

Тонкий лирик и мудрец,
он писал и суровую прозу.
О тяготах, которые выпали
на долю его народа, отражав-
шего частые набеги порабо-
тителей, Кайсын скажет:

— В течение столетий на
нашу землю шли захватчики,
сжигая села, посеы... Па-
харям и пастухам приходи-
лось братья за оружие, что-
бы отстоять свои очаги, сво-
их детей, каменотесу и табун-
щику приходилось быть воин-
ном.

И сам он, когда на порог
нашего большого дома при-
шла война, стал солдатом.
Парашютист — десантник... Я
хорошо представляю, как сде-
лал он первый шаг навстречу
небу, как оторвался от быстр-
окрылой птицы, которая
подняла его ввысь, как, рас-
правив руки, летел над зем-
лей. Что он думал тогда? Что
видел? Что чувствовал?

Отслужив и сложив в послед-
ний раз парашюты, его
товарищи опустили на
землю. А он навсегда остал-

ся там, в синеве воздушного
океана. Остался птицей, ост-
ался орлом. Какими каза-
лись мы ему с высоты
птичьего полета?

Я спросил его об этом.
Он засмеялся:

— Я люблю ездить поез-
дом. Не люблю самолетов.

А потом серьезно, как это
мог делать только он, момен-
тально перестроившись, ска-
зал:

— Какими я вижу людей?
Наши горы высоки. Но ведь
не настолько же, чтобы за-
слонить горцев от остально-
го мира. Мы должны жить
так, чтобы каждый из нас
мог сказать: — Я не только
кабардинец или балкарец, но
сын нашей великой Родины.

Он шел не легким путем.
По обочинам его дороги рос-
ли деревья, приносящие
сладкие и горькие плоды.
Были и колючки, и розы.

Его поэзия шла (а почему,
собственно, шла), его поэзия
идет «по груди в снегах»,
«по груди в песках». Слы-
шите, «играют Шопена» и
к «возлюбленным тянутся
женские руки»... Видите,
«женщина купается в реке»,
и «замирает солнце, и нету
зла», и «войн ни на одном
материке»...

А потом вдруг этот Чер-
ный конь... До чего же пре-
красен поэтический скакун!
Он был верным другом в
бою, привозил для отчаянных
джигитов «тонкостванных не-
вест», не петлял, а мчался
прямою дорогой к заветной
цели. И вот:

Смерть поблажек не знает,
И, упав на бегу,
Черный конь умирает
На белом снегу.

Поэт не устал повторять,
что
Людам радость нужна.
Как весною деревьям
Шелест листьев, зеленое их
изобилье.

И он протягивал всем
«цветущую веточку алычи».
Дар не дорогой, но дар бес-
ценный.

Помню, мы сидели втроем
до утра: Кайсын, Махмуд
Эсамбаев и я. Какой это был
вечер! Сколько историй, каж-
дая из которых могла бы
стать книгой! Они говорили о
Киргизии. Говорили в такой
превосходной степени, что я
поехал посмотреть эту стра-
ну. А как Кайсын сказал о
Грузии: ты — сердце Кав-
каза.

Воспоминания, воспомина-
ния...

Я вспоминаю рассказ о
том, как военного корреспон-
дента Кайсына Кулиева по-
слали на передовую напи-
сать статью, а он — ходил в
атаки. Получил за это вы-
говор. А в следующий раз

опять пошел с разведчи-
ками за «языком».

Вспоминаю рассказ о том,
как И. С. Козловский с хо-
ром мальчиков поздравлял
поэта с юбилеем в Концерт-
ном зале имени Чайковского.
Словно вижу и сейчас его
лицо, на котором отразилась
боль, когда он рассказы-
вал, как в Монголии видел,
что «охотники» убили жу-
равушку. Долго летал над
убитой подругой журавль,
жалобно крича, а потом сло-
жил крылья и упал на зем-
лю, чтобы умереть рядом.

Я видел Кайсына в часы
встреч, когда вино не ли-
лось рекой, а капало из сосу-
да дружбы благотворным не-
ктаром. И видел его в кругу
чегемских косарей и пасту-
хов.

— О, это великолепный
человек, — говорил он о
ком-то.

— Какой прекрасный дом
построили на проспекте! —
радовался успехам строите-
лей.

— Такие строки имеют на
меня колдовское воздействие,
— писал он о стихах начи-
нающей поэтессы.

При встрече он обяза-
тельно обнимал меня: — О,
мой друг!

Однажды я встретил Кай-
сына Шuvaевича с большим
гостем и не подошел к нему.
Постеснялся. Поздоровался
издали.

— Друг мой, — позвал меня
поэт. — Что случилось? — Я
замаялся. И тогда он сказал

тому, кого я здесь назвал
«большим гостем».

— Больше с тобой ходить
никуда не буду. Я так всех
друзей растеряю.

Перед глазами стоит его
облик: большая круглая го-
лова, морщины на лбу и усы
горда. Мне кажется, такими
были древние философы Гре-
ции и Рима, хотя они, кажет-
ся, усов не носили.

Я приезжал к нему —
больному. Мы все, его дру-
зья и близкие, чувствовали,
что конец близок. Не хотели
верить, надеялись на чудо,
но...

Однажды, это было послед-
ней зимой, я попросил
Кайсына:

— Может, сделаем несколь-
ко снимков на память о зи-
ме?

Он грустно улыбнулся и
согласился. С каким трудом,
превозмогая боль, поэт
вышел в сад, где теперь по-
хоронен. Именно на этом ме-
сте и сняты последние кадры
с ним.

Жизнь коротка, а время
бесконечно.
«Прощай», — я говорю тебе
сердечно.
Я все равно тебя благодарю.

И услышали мы стон из
Ленинграда. «Прощай, Кай-
сын! Ты был радостью. Кай-
сын, радостью живого мира и
моей радостью». Это Миха-
ил Дудин.

И выплакал горе Мустай
Карим: «Гропа его началась
в Чегеме и вернулась в Че-

гем. И оборвалась. Останется
жить его имя, его книги и
наша любовь к нему».

И заставил нас плакать у
могилы фронтowego друга
Алим Кешоков, когда июнь-
ская земля черной бурной
навечно накрыла Кайсына.

Скажи, Кайсын, не обессудь,
Далек ли к солнечному краю
Осенний путь, печальный путь
Птиц, собирающихся в стаю?

И мы летим с тобой тоже,
Теряем перья на лету,
С годами потому, быть может,
Труднее брать нам высоту.

На другой день после по-
хорон Кайсына я уехал в
Чегем. Там, в Эльтоби, по
узкой тропинке, бегущей на-
встречу горной реке, я при-
шел в саклю, где в год рожде-
ния нашей страны родился
балкарский мальчик Кайсын.
Я сидел один на камне, про-
гревом солнцем, и думал о
жизни и смерти. А еще о
вечности.

Когда-то Кулиев написал
о себе строки, которые я бы
высек на его памятнике.
Я прахом и пеплом не стал —
Я пламенем был и остался.
Вот и все. Завтра, воз-
можно, кто-то скажет:

— Читал, о Кайсыне на-
писали статью?..

Это не так. Я не писал ее.
Я прокричал эту статью, как
плакательницы из Чегема.
Про-кри-чал!

Владимир ВОРОКОВ.